

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY, CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.14529/jpps230105

Гендерные различия проблемного использования информационно-коммуникационных сетей

А.М. Лановая^{1✉}, Е.В. Фадеева^{1,2,3}

¹ *Национальный научный центр наркологии – филиал Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, г. Москва, Россия*

² *Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия*

³ *Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева Минздрава России, г. Санкт-Петербург, Россия*

✉ *Alesya.lan@gmail.com*

Аннотация

Обоснование. В силу стремительно меняющихся условий и развития цифровой среды крайне важной остается задача, направленная на выявление общих психологических особенностей, приводящих к проблемному использованию информационно-коммуникационных сетей, и гендерно-специфических различий, позволяющих определить особые факторы уязвимости к формированию данного типа аддиктивного поведения. **Цель:** выявление гендерных различий проблемного использования информационно-коммуникационных сетей среди учащихся подросткового возраста. **Материалы и методы.** В исследовании приняли участие 633 учащихся ($M = 15,5$, $SD = 0,68$) Московской области: 358 (56,6 %) юношей и 275 (43,4 %) девушек. Методы психологической диагностики: опросник проблемного использования социальных сетей, специально разработанная для целей исследования шкала оценки продолжительности использования информационно-коммуникационных сетей, шкала нарушений при использовании социальных сетей. **Результаты.** Среди обучающихся подростков в возрасте 15–17 лет по большему количеству показателей наиболее уязвимыми к проблемному использованию информационно-коммуникационных сетей были девушки. Для девушек в большей степени были свойственны сложности контролирования своего времени в социальных сетях. Для девушек было более характерно длительное времяпрепровождение в социальных сетях в периоды эмоционального спада. Более длительное использование информационно-коммуникационных сетей было связано с большей подверженностью к онлайн-общению среди юношей. Неудачные попытки сократить времяпрепровождение в социальных сетях, конфликты в семье из-за их использования также были более свойственны ответам женской половины участников исследования. **Заключение.** При разработке профилактических программ должны учитываться такие факторы риска в отношении формирования проблемного использования информационно-коммуникационных сетей, как трудности эмоциональной саморегуляции, трудности контроля и когнитивная поглощенность социальными сетями, специфичные для девушек, и предпочтение онлайн-общения, характерное для юношей.

Ключевые слова: проблемное использование информационно-коммуникационных сетей, гендерные различия, социальные сети, подростки, поведенческие зависимости

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лановая А.М., Фадеева Е.В. Гендерные различия проблемного использования информационно-коммуникационных сетей // Психология. Психофизиология. 2023. Т. 16, № 1. С. 51–62. DOI: 10.14529/jpps230105

Gender differences of problematic social media use

A.M. Lanovaya^{1✉}, E.V. Fadeeva^{1,2,3}

¹ National Research Center on Addictions – branch, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

³ V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology, St. Petersburg, Russia

✉ Alesya.lan@gmail.com

Abstract

Introduction. As soon as the digital environment is rapidly changing, it is still critical to identify common psychological characteristics that lead to problematic social media and network use, as well as gender differences that allow identifying specific vulnerability factors to the formation of this type of addictive behavior. **Aim:** the paper was aimed at identifying gender differences in problematic social media use among adolescent students. **Materials and methods.** The study involved 633 students from the Moscow region, including 358 (56.6 %) male and 275 (43.4 %) female students from 15 to 17 years of age ($M = 15.5$, $SD = 0.68$). The following methods of psychological diagnosis were used: the modified Problematic Facebook Use Scale; the time spent using social media scale; the Social Media Disorder Scale. **Results.** In this population, the parameters under study showed that female students were more vulnerable to problematic social media use compared to male students and were more likely to have difficulties with controlling their time spent using social networks. Moreover, female students were more likely to spend a lot of time on social networks during emotional distraction. A longer use of social networks among male students was associated with their preferences for online communication. Unsuccessful attempts to reduce the time spent on social networks and family conflicts were also more characteristic of female students. **Conclusion.** Risk factors for problematic social media use that should be taken into account for the corresponding prevention programs include difficulties with emotional self-regulation, control difficulties, and cognitive preoccupation with social networks in female students, as well as a preference for online communication in male students.

Keywords: problematic social media use, gender differences; social networks, adolescents, behavioral addictions

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Lanovaya A.M., Fadeeva E.V. Gender differences of problematic social media use. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology.* 2023;16(1):51–62. (in Russ.) DOI: 10.14529/jpps230105

Введение

Проблемное использование информационно-коммуникационных или социальных сетей является актуальным предметом современных научных исследований: в настоящий момент в открытых источниках размещено более двух млн публикаций по данной теме только на английском и русском языках. Для специалистов в области психического здоровья остаются дискуссионными вопросы диагностических критериев и распространённости проблемного использования информационно-коммуникационных (социальных) сетей. Особое внимание при изучении данной проблемы уделяется подросткам и молодежи как группе населения, наиболее активно ис-

пользующей социальные сети для коммуникации, самопрезентации, стабилизации психоэмоционального состояния, поиска информации и эскапизма.

В силу стремительно меняющихся условий и развития цифровой среды крайне важной остается задача, направленная на выявление общих психологических особенностей, приводящих к проблемному использованию информационно-коммуникационных сетей, и гендерно-специфических различий, позволяющих определить особые факторы уязвимости к формированию данного типа аддиктивного поведения. Изучение общих и специфических факторов риска формирования проблемного использования информационно-

коммуникационных сетей, включая гендерные различия, позволит разработать более эффективные превентивные меры психологического вмешательства на универсальном, селективном и индикативном уровнях профилактики, способствующих укреплению психического здоровья и сокращению вредных последствий чрезмерного использования социальных сетей.

Обзор литературы

Проблемное использование информационно-коммуникационных сетей как форма аддиктивного поведения чаще всего основывается на следующих диагностических критериях: а) шесть признаков зависимости по МКБ-11¹, включающих поглощенность и постоянную вовлеченность, растущую толерантность, потерю контроля, состояние отмены, продолжение вопреки вредным последствиям, сильное желание и добавленный многими исследователями критерий влияния на настроение [1, 2]; б) девять признаков зависимости, основанных на критериях онлайн-игрового расстройства по DSM-5², включающих чрезмерную увлеченность, симптомы отмены, толерантность, безуспешный контроль, продолжение (несмотря на проблемы в разных сферах жизни), обман, эскапизм (использование, чтобы избежать или уменьшить неблагоприятное настроение), вытеснение (отказ от других видов деятельности) и конфликт (риск или потеря отношений или карьерных возможностей из-за чрезмерного использования) [3].

Продолжительное использование информационно-коммуникационных сетей во многих исследованиях ассоциируется с симптомами депрессии [4, 5], трудностями регуляции эмоций [6] и более высокими показателями дистресса [6, 7], снижением уровня психического здоровья [8]. Активными пользователями информационно-коммуникационных сетей также отмечаются снижение субъективного благополучия и удовлетворенностью жизнью за счет сравнения себя с профилями других пользователей [5, 9], а также более частые

проблемы, связанные с прокрастинацией [6]. Примечательно, что факторами психологического благополучия в социальных сетях является количество друзей, подписчиков и фотографий на личной странице [10], однако также было выявлено, что проблемное использование информационно-коммуникационных сетей в значительной степени связано с уменьшением реальной социальной поддержки и увеличением поддержки именно в социальных сетях [11]. Вызывает интерес трехфакторная модель, разработанная В.П. Шейновым и А.С. Девицыным (2021), включающая изучение влияния коммуникативных и информационных показателей, а также психологического состояния личности на зависимость от социальных сетей. Авторами выявлено, что зависимость от социальных сетей отрицательно связана с самооценкой, удовлетворенностью жизнью и возрастом и положительно коррелирует с тревожностью, депрессией, одиночеством, экстраверсией и женским полом [12, 13].

Изучение гендерных различий при проблемном использовании информационно-коммуникационных сетей в отечественных исследованиях преимущественно представлено в контексте более широкого понятия интернет-аддикции. Представлены результаты, согласно которым среди девушек с интернет-зависимым поведением показатели симптомов отмены при невозможности получить доступ к сервисам Интернета выше, чем у юношей [14]. В работе Е.Ю. Казариновой и А.Б. Холмогоровой (2021) описаны следующие различия между девушками и юношами при использовании Интернета: девушкам были более свойственны самопрезентация и общение в сетях, а для юношей было чаще характерно избегание реальных контактов [15]. В исследовании В.Р. Синичкиной (2021) отмечается, что более высокий уровень развития коммуникативных способностей коррелировал с более низкими показателями предпочтения онлайн-общения и негативных последствий при использовании Интернета как среди мужчин, так и среди женщин. В то же время в группе женщин также была выявлена обратная взаимосвязь между коммуникативными способностями и компульсивным использованием Интернета. Касательно предпочтения онлайн-общения, в группе мужчин оно было достоверно связано со стремлением к принятию, а в группе женщин – со страхом

¹ МКБ-11 (Международная классификация болезней 11 пересмотра). URL: <https://icd11.ru/?ysclid=169fzqinny24277813> (дата обращения: 15.08.2022)

² Diagnostic and statistical manual of mental disorders, fifth edition. Arlington, VA, American Psychiatric Association, 2013.

отвержения³. Результаты П.А. Понизовского с соавторами (2021) среди молодых взрослых свидетельствуют скорее об отсутствии значительных гендерных особенностей в выраженности интернет-зависимого поведения, однако подчеркиваются различия в специфике интернет-деятельности, где для мужской выборки более характерно участие в многопользовательских онлайн-играх, а для женской – использование социальных сетей [16].

В российских эмпирических исследованиях, посвященных проблемному использованию информационно-коммуникационных сетей, чаще данное поведение наблюдается среди женщин [12]. В обзоре зарубежных исследований, проведенном Д.В. Зотовой и В.А. Розановым (2020), указано, что данные о различиях между женщинами и мужчинами в проявлении зависимого поведения противоречивы и не имеют четкой тенденции: в частности, одни исследования сообщают о более высокой распространенности зависимости от социальных сетей среди молодых людей и особенно среди женщин, в других работах обнаружена более высокая распространенность использования информационно-коммуникационных сетей среди пожилых пользователей и мужчин [5].

Работы иностранных авторов, посвященные изучению проблемного использования социальных сетей среди подростков, отмечают следующие характерные именно для женского пола особенности:

– девушки подросткового возраста достоверно чаще входят в группу риска возникновения проблемного использования социальных сетей, чем юноши [17];

– для девушек с проблемным использованием социальных сетей в большей, чем для юношей, степени были характерны низкая удовлетворенность жизнью, проблемы со сном и более низкий уровень физической активности [18];

– среди девушек с проблемным использованием социальных сетей отмечается более

высокая уязвимость к формированию негативного образа собственного тела [9].

Вне зависимости от пола подростки из семей с более высоким доходом чаще сталкиваются с проблемным использованием социальных сетей [19].

Стоит также отметить положительный потенциал умеренного использования информационно-коммуникационных сетей. Безусловно, ключевая функция социальных сетей заключается в поддержании контактов и связи с близкими и знакомыми, а также в возможности удаленной быстрой коммуникации, что играет огромную роль в целом для общества и особенно для подростков, ведущей деятельностью которых является общение со сверстниками.

Зависимость или проблемное использование социальных сетей является актуальным направлением современных научных исследований. С каждым годом накапливаются и дополняются данные по распространенности проблемного использования информационно-коммуникационных сетей, гендерным, возрастным и индивидуально-психологическим особенностям пользователей, апробируются диагностические шкалы в различных странах. Настоящее исследование позволяет оценить специфические особенности проблемного использования информационно-коммуникационных сетей, характерные для обучающихся Московской области.

Целью настоящего исследования являлось выявление гендерных различий проблемного использования информационно-коммуникационных сетей среди учащихся подросткового возраста.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 633 учащихся Московской области: 358 (56,6 %) юношей и 275 (43,4 %) девушек в возрасте от 15 до 17 лет ($M = 15,5$, $SD = 0,68$). Критериями включения в исследование являлись: возраст от 15 лет до 17 лет; наличие в личном пользовании устройства с выходом в интернет (смартфон, планшет, ноутбук, компьютер); использование информационно-коммуникационных сетей в течение последних 12 месяцев; очное обучение в образовательных организациях; наличие информированного согласия.

Методы психологической диагностики: 1) опросник проблемного использования социальных сетей (Problematic Facebook Use Scale – PFUS, Marino C., 2017; модификация:

³ Синичкина В.Р. Гендерные различия взаимосвязи коммуникативных способностей, проблемного использования интернета и увлеченности онлайн-играми // Социальная психология: вопросы теории и практики: Матер. VI Междунар. науч.-практич. конф. памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 12–13 мая 2021 года. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2021. С. 515–517.

Сирота Н.А. и соавт., 2018) [2, 20]; 2) специально разработанная для целей исследования шкала оценки частоты и продолжительности использования информационно-коммуникационных сетей [21]; 3) Шкала нарушений при использовании социальных сетей (Social Media Disorder Scale – SMD-Scale)⁴ [3]. Используемые шкалы (PFUS, SMD-Scale) методы основаны на диагностических критериях МКБ-11 и DSM-5.

Психологическая диагностика подростков проводилась в виде онлайн-опроса, заполняемого в классе в присутствии исследователя или его ассистента, в период профилактических медицинских осмотров обучающихся. Участникам исследования предлагалось объективизировать предполагаемое время использования информационно-коммуникационных сетей при помощи данных системных настроек смартфона (экранного времени). Обратная связь по результатам психометрических методик предоставлялась по индивидуальному запросу участников исследования.

Анализ полученных данных проводился при помощи методов математической статистики в программе IBM SPSS Statistics v. 26. Применялись: расчет частотных таблиц, таблицы сопряженности, описательные статистики, критерий Хи-квадрат. Для сравнения результатов по шкале PFUS применялся непараметрический критерий Манна – Уитни. Для выявления значимых различий в частоте встречаемости положительных ответов по шкале SMD-Scale использовался критерий Хи-квадрат.

Исследование одобрено на Заседании клинической секции этического комитета при ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (Протокол исследования № 3612 от 6 декабря 2021 г.).

Результаты

Согласно результатам опросника проблемного использования социальных сетей (PFUS),

отмечались следующие различия в выраженности проблемного использования информационно-коммуникационных сетей среди юношей и девушек: практически в четыре раза меньше девушек были отнесены к группе с минимальным риском (9,7 % для юношей и 2,5 % для девушек), и в то же время в два раза больше девушек были отнесены к группе с проблемным использованием социальных сетей (4,2 % для юношей и 8,3 % для девушек). Также у девушек со склонностью к проблемному использованию информационно-коммуникационных сетей отмечались достоверно более высокие баллы, чем у юношей (табл. 1).

Выявленные особенности могут характеризовать девушек старшего подросткового возраста как более уязвимую группу к формированию поведенческих паттернов зависимости от социальных сетей.

Исследование также выявило статистически значимые различия между многими критериями проблемного использования информационно-коммуникационных сетей среди юношей и девушек. По результатам проведенного опроса среди девушек были выявлены статически более высокие показатели использования социальных сетей с целью избегания одиночества или стабилизации эмоционального состояния ($p < 0,001$). Девушкам было свойственно в большей степени ощущение поглощенности навязчивыми мыслями о социальных сетях ($p < 0,001$), им было сложнее контролировать свое время в социальных сетях и труднее противостоять желанию зайти в социальные сети ($p < 0,001$). Баллы по итоговой шкале у девушек также были значимо выше ($p < 0,001$), чем у юношей (табл. 2).

Согласно полученным результатам по Шкале нарушений при использовании социальных сетей и медиа (SMD-Scale), были выявлены статистически значимые различия в частоте положительных ответов между юношами и девушками. Было выявлено, что девушки достоверно чаще отвечали, что из-за мыслей зайти в информационно-коммуникационные сети им не удавалось думать ни о чем другом ($p \leq 0,05$). Девушки чаще были недовольны собой, так как чувствовали, что им требуется проводить больше времени в социальных сетях ($p \leq 0,01$), они чаще оценивали свое состояние хуже в период невозможности использования социальных сетей ($p \leq 0,05$). Девушки относительно чаще прибегали к обману родителей либо друзей о своем времени

⁴ В центре внимания здоровье и благополучие подростков. Результаты исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC) 2017/2018 гг. в Европе и Канаде. Международные отчеты. Т. 1. Основные результаты. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ / ред. J. Inchley, D. Currie, S. Budisavljevic и др., 2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/333064/9789289055123-rus.pdf> (Дата обращения 12.07.2022).

Таблица 1
 Table 1

Выраженность проблемного использования информационно-коммуникационных сетей среди подростков в зависимости от гендера (n = 633)
 Severity of problematic social media use among adolescents depending on gender (n = 633)

Выраженность проблемного использования информационно-коммуникационных сетей / Severity of problematic social media use	Юноши Boys (n = 358)		Девушки Girls (n = 275)		p-level
	n (%)	M ± SD	n (%)	M ± SD	
Минимальный риск Minimal risk	35 (9,8)	16,9 ± 1,6	7 (2,5)	17,7 ± 1,1	0,251
Склонность к проблемному использованию Tendency to problematic use	308 (86,0)	39,2 ± 12,1	245 (89,1)	44,0 ± 11,3***	0,000
Проблемное использование Problematic use	15 (4,2)	71,7 ± 5,4	23 (8,5)	71,5 ± 5,7	0,857

Примечание. M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, p – значимость различий по баллам, *** – уровень значимости $p \leq 0,001$.

Note. M – mean value, SD – standard deviation, p – significance, *** – level of significance $p \leq 0.001$.

Таблица 2
 Table 2

Сравнение результатов психологической диагностики среди юношей и девушек по опроснику PFUS (M ± SD)
 Comparison of psychological diagnostic results among boys and girls according to the PFUS (M ± SD)

Шкалы PFUS / PFUS Scales	Юноши / Boys (n = 358)	Девушки / Girls (n = 275)	p-level
Предпочтение онлайн-общения Preference for online social interactions	8,4 ± 3,9	9,0 ± 3,9	0,088
Регуляция эмоций Mood regulation	9,7 ± 4,8	12,5 ± 4,9***	0,000
Когнитивная поглощенность Cognitive preoccupation	7,0 ± 3,9	9,1 ± 4,6***	0,000
Компульсивное использование Compulsive use	7,6 ± 4,1	9,1 ± 4,4***	0,000
Негативные последствия Negative outcomes	5,8 ± 3,6	5,9 ± 3,2	0,081
Итоговый балл PFU (total)	38,5 ± 14,8	45,6 ± 13,9***	0,000

Примечание. M – среднее значение, SD – стандартное отклонение, p – значимость, *** – уровень значимости $p \leq 0,001$.

Note. M – mean value, SD – standard deviation, p – significance, *** – level of significance $p \leq 0.001$.

использования социальных сетей ($p \leq 0,05$). Различия на высоком уровне значимости ($p \leq 0,001$) были получены по критериям «безуспешный контроль» и «негативные последствия»: неудачные попытки сократить времяпрепровождение в социальных сетях, конфликты в семье из-за их использования также были более свойственны ответам женской половины участников исследования (табл. 3).

Полученные значимые гендерные различия по итоговой шкале SMD-scale согласуются с результатами опросника PFUS: итоговый балл среди девушек статистически значимо

выше ($p \leq 0,001$), чем у юношей-участников исследования.

На основании результатов, полученных по шкале продолжительности использования информационно-коммуникационных сетей, девушки статистически чаще использовали социальные сети шесть и более часов, как в учебные, так и в выходные дни ($p < 0,001$), причем разница в процентном соотношении была практически в два раза (в учебные дни 8,4 % – для юношей и 21,1 % – для девушек; в выходные дни 15,9 % – для юношей и 33,5 % – для девушек) (табл. 4).

Был проведен корреляционный анализ в группе юношей и в группе девушек между временем использования социальных сетей в учебные и выходные дни и шкалами опросника проблемного использования социальных сетей (PFUS) (рис. 1).

Среди девушек наблюдались более сильные взаимосвязи на высоком уровне значимости между временем использования информационно-коммуникационных сетей как в учебные, так и в выходные дни со шкалами опросника PFUS «Регуляция эмо-

ций», «Когнитивная поглощенность», «Компульсивное использование» и итоговым баллом опросника. Выявленные достоверные корреляции позволяют выдвинуть следующие предположения: для девушек более характерно длительное времяпрепровождение в социальных сетях в периоды эмоционального спада, а также более длительное времяпрепровождение чаще сопряжено с навязчивыми мыслями зайти в социальные сети и трудностями контроля времени в социальных сетях.

Таблица 3
Table 3

Сравнение результатов психологической диагностики среди юношей и девушек по Шкале SMD-Scale (n = 498)
Comparison of psychological diagnostic results among boys and girls according to the SMD-Scale (n = 498)

Шкалы SMD-Scale	Положительные ответы среди юношей (n = 292)	Положительные ответы среди девушек (n = 206)	p-level
Чрезмерная увлеченность Preoccupation	18 (6,2%)	23 (11,2%)*	0,046
Рост толерантности Tolerance	16 (5,5%)	26 (12,6%)**	0,005
Негативные симптомы отмены Withdrawal	15 (5,1%)	21(10,2%)*	0,032
Безуспешный контроль Persistence	38 (13,0%)	60 (29,1%)**	0,000
Отказ от других занятий Displacement	38 (13,0%)	32 (15,5%)	0,425
Продолжение вопреки последствиям Problems of continued overuse	26 (8,9%)	25 (12,1%)	0,241
Обман Deception	7 (2,4%)	13 (6,3%)*	0,028
Уход от действительности Escape	79 (27,1%)	117 (56,8%)**	0,000
Негативные последствия Conflict	19 (6,5%)	38 (18,4%)**	0,000
Итоговый балл, M ± SD SMD (total)	0,9 ± 1,3	1,7 ± 1,7***	0,000

Примечание: p – уровень значимости; * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$; *** – уровень значимости $p \leq 0,001$; M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.

Note: p – significance, * – significance level $p \leq 0.05$, ** – significance level $p \leq 0.01$, *** – significance level $p \leq 0.001$, M – mean value, SD – standard deviation.

Таблица 4
Table 4

Сравнение показателей длительного использования информационно-коммуникационных сетей среди юношей и девушек в учебные и выходные дни (n = 237)
Comparison of prolonged social media use among male and female students on school days and weekends (n = 237)

Длительность времени использования информационно-коммуникационных сетей Time spent on social networks		Юноши Male students n (%)	Девушки Female students n (%)	p
6 часов и более 6 hours or more	В учебный день School days	30 (8,4 %)	58 (21,1 %)**	0,000
	В выходной день Weekends	57 (15,9 %)	92 (33,5 %)**	0,000

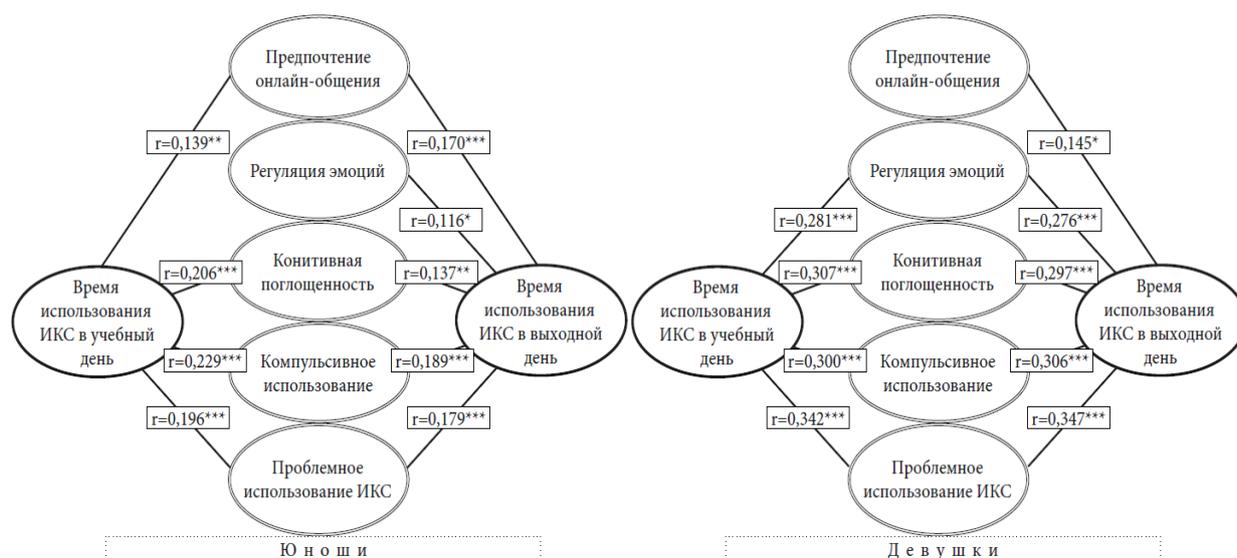

Рис. 1. Корреляционные связи между продолжительностью использования информационно-коммуникационных сетей и шкалами опросника PFUS
 Fig. 1. Relationships between the time spent using social media and PFU scales

Примечание. ИКС – информационно-коммуникационные сети; r – коэффициент корреляции Спирмена; * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$; *** – уровень значимости $p \leq 0,001$.
 Note. ИКС – social media, r – Spearman's correlation coefficient, p – significance, * – level of significance $p \leq 0.05$, ** – level of significance $p \leq 0.01$, *** – level of significance $p \leq 0.001$.

Примечательно, что, в сравнении с юношами, для девушек не было выявлено значимых корреляций между временем использования информационно-коммуникационных сетей в учебные дни и предпочтением онлайн-общения, а корреляции данной шкалы со временем использования информационно-коммуникационных сетей в выходные дни были слабее ($r = 0,145$ при $p \leq 0,05$ – для девушек и $r = 0,170$ при $p \leq 0,001$ – для юношей). Данные результаты могут быть связаны с большей склонностью юношей к общению именно в социальных сетях, что сказывается на более длительном их использовании.

Отмечаем, что для юношей не наблюдались корреляционные связи между временем использования информационно-коммуникационных сетей в учебные дни и шкалой регуляции эмоций и слабее была выражена сила связи данной шкалы со временем использования информационно-коммуникационных сетей в выходные дни ($r = 0,116$ при $p \leq 0,05$ – для юношей и $r = 0,276$ при $p \leq 0,001$ – для девушек). Вероятно, длительное использование информационно-коммуникационных сетей для юношей менее сопряжено с мотивацией их использования для стабилизации эмоционального состояния, чем для женской аудитории пользователей.

Обсуждение

В проведенном исследовании были использованы диагностические инструменты, направленные на изучение особенностей проблемного использования информационно-коммуникационных сетей, основанные на наиболее актуальных критериях для данного типа зависимого поведения. Среди обучающихся подростков в возрасте 15–17 лет по большему количеству показателей наиболее уязвимыми к проблемному использованию информационно-коммуникационных сетей были девушки, что согласуется с результатами исследований в данной возрастной категории в таких странах, как Германия [22], Финляндия [17] и Литва [18]. Так, суммарные баллы девушек при оценке ощущения поглощенности навязчивыми мыслями о социальных сетях были выше, чем у юношей. Также для девушек в большей степени были свойственны сложности контролирования своего времени в социальных сетях, включая невозможность противостоять желанию зайти в социальные сети. В исследовании В.П. Шейнова и А.С. Девицына также отмечалось, что среди опрошенных участников именно у женщин наблюдались более высокие показатели зависимости от социальных сетей [12].

Продолжительное использование информационно-коммуникационных сетей значимо

чаще выявлялось среди девушек – участниц исследования, при этом для девушек более характерно длительное времяпрепровождение в социальных сетях в периоды эмоционального спада и было ассоциировано с трудностями контроля времени в социальных сетях. Схожие гендерные особенности были описаны в публикациях А.В. Трусовой с соавторами [14]. В сравнении с юношами, девушки чаще хуже оценивали свое психологическое и эмоциональное состояние в период невозможности использования социальных сетей и чаще прибегали к обману родителей либо друзей о своем времени использования социальных сетей.

Примечательно, что более длительное использование информационно-коммуникационных сетей было связано с большей подверженностью к онлайн-общению только среди юношей, что подтверждает результаты исследования Е.Ю. Казариновой и А.Б. Холмогоровой [15], в то же время оно не было связано со стабилизацией эмоционального состояния,

в отличие от девушек. При этом неудачные попытки сократить времяпрепровождение в социальных сетях, конфликты в семье из-за их использования также были более свойственны ответам женской половины участников исследования.

Заключение

Полученные результаты указывают на ряд гендерных различий при проблемном использовании информационно-коммуникационных сетей в старшем подростковом возрасте. При разработке профилактических программ, в том числе с использованием онлайн технологий, должны учитываться такие факторы риска в отношении формирования проблемного использования информационно-коммуникационных сетей, как трудности эмоциональной саморегуляции, трудности контроля и когнитивная поглощенность социальными сетями, специфичные для девушек, и предпочтение онлайн-общения, характерное для юношей.

Список источников

1. Шубин С.Б. Психологические особенности цифровой активности подростков на примере социальных сетей: обзор иностранных исследований // Педагогика и психология образования. 2020. №3. С. 173–191. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-3-173-191>
2. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей / Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 33–55. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.34034.56001>.
3. The Social Media Disorder Scale / R.J.J.M. van den Eijnden, J.S. Lemmens, P.M. Valkenburg // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 61. P. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>.
4. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте / В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова // Национальный психологический журнал. 2019. № 1 (33). С. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0104>
5. Розанов В.А., Рахимкулова А.С. Психологическое благополучие пользователей социальных сетей – проблема или возможность раннего выявления негативных тенденций? // Медицинская психология в России. 2016. № 1 (36). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 01.08.2022).
6. The relevance of emotion regulation, procrastination, and perceived stress for problematic social media use in a representative sample of children and adolescents / L. Wartberg, R. Thomasius, K. Paschke // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 121. Art. ID 106788. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106788>.
7. Huang C. A meta-analysis of the problematic social media use and mental health // The International journal of social psychiatry. 2022. Vol. 68. №. 1. P. 12–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020764020978434>.
8. Mediated roles of generalized trust and perceived social support in the effects of problematic social media use on mental health: A cross-sectional study / C.-Y. Lin, P. Namdar, M.D. Griffiths, A.H. Pakpour // Health Expectations. 2021. Vol.24. P. 165–173. DOI: <https://doi.org/10.1111/hex.13169>.
9. Social Media Usage and Development of Psychiatric Disorders in Childhood and Adolescence: A Review / I. Cataldo, B. Lepri, M.J.Y. Neoh, G. Esposito // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 11. Art. ID 508595. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.508595>.
10. Горелова Г.Г., Иноземцев Д.В. Анализ психологического благополучия на основании параметров поведенческой активности пользователей социальных сетей // Ученые записки универ-

ситета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. Т. 180, № 2. С. 489–494. DOI: <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.2.p489-494>.

11. Meshi D., Ellithorpe M.E. Problematic social media use and social support received in real-life versus on social media: Associations with depression, anxiety and social isolation // *Addictive Behaviors*. 2021. Vol. 119. Art. ID 106949. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106949>.

12. Шейнов В.П., Девицын А.С. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей // *Системная психология и социология*. 2021. Т. 38, № 2. С. 41–55. DOI: <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>.

13. Шейнов В.П., Девицын А.С. Трехфакторная модель зависимости от социальных сетей // *Российский психологический журнал*. 2021, Т. 18, № 3, 145–158. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.1>.

14. Гендерные различия индивидуально-психологических характеристик у подростков с различным уровнем проявлений интернет-зависимого поведения / А.В. Трусова, А.Е. Канашов, А.А. Ангеловский и др. // *Вопросы наркологии*. 2020. Т. 187, № 4. С. 45–62. DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_45.

15. Казаринова Е.Ю., Холмогорова А.Б. Предпочитаемый контент в интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи // *Психолого-педагогические исследования*. 2021. Т. 13, № 2. С. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130208>.

16. Индивидуально-психологические характеристики мужчин и женщин с интернет-зависимостью / П.А. Понизовский, Е.П. Скурат, А.В. Трусова и др. // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2021. Т. 31, № 2. С. 33–43.

17. Problematic social media use and health among adolescents / L. Paakkari, J. Tynjälä, H. Lahti et al. // *International journal of environmental research and public health*. 2021. Vol. 18. № 4. Art. ID 1885. DOI: [10.3390/ijerph18041885](https://doi.org/10.3390/ijerph18041885).

18. Possible Effects of Social Media Use on Adolescent Health Behaviors and Perceptions / G. Buda, J. Lukoševičiūtė, L. Šalčiūnaitė, K. Šmigelskas // *Psychological reports*. 2021. Vol. 124. № 3. P. 1031–1048. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294120922481>

19. Social Media Addiction and Empathy: Moderating impact of personality traits among high school students / M. Dalvi-Esfahani, A. Niknafs, Z. Alaedini et al. // *Telematics and Informatics*. 2021. Vol. 57. Art. ID 101516. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101516>.

20. Factorial validity of the Problematic Facebook Use Scale for adolescents and young adults / C. Marino, A. Vieno, G. Altoè, M.M. Spada // *Journal of Behavioral Addictions*. 2017. Vol. 6. № 1. P. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.6.2017.004>.

21. Лановая А.М., Фадеева Е.В. Проблемное использование информационно-коммуникационных сетей в контексте интернет-зависимого поведения среди подростков: предварительные результаты // *Психология. Психофизиология*. 2022. Т. 15, № 4. С. 59–71. DOI: [10.14529/jpps220406](https://doi.org/10.14529/jpps220406).

22. Occurrence of Internet addiction in a general population sample: A Latent Class Analysis / H.J. Rumpf, A.A. Vermulst, A. Bischof et al. // *European Addiction Research*. 2014. Vol. 20. P. 159–166. DOI: <https://doi.org/10.1159/00035432>.

Поступила 22.10.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 23.01.2023.

Информация об авторах:

Лановая Алеся Михайловна, научный сотрудник отдела организации профилактической помощи в наркологии, Национальный научный центр наркологии – филиал Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России (Россия, г. Москва, 119002, Малый Могильцевский переулок, д. 3); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>; e-mail: alesya.lan@gmail.com

Фадеева Евгения Владимировна, кандидат психологических наук, заведующий отделом организации профилактической помощи в наркологии, Национальный научный центр наркологии – филиал Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России (Россия, г. Москва, 119002, Малый Могильцевский переулок, д. 3); доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета «Юридическая психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (Россия, г. Москва,

127051, ул. Сретенка, д. 29); Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева Минздрава России (Россия, г. Санкт-Петербург, 192019, ул. Бехтерева, д. 3); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5411-9611>; e-mail: nscnfadeeva@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Лановая А.М. – сбор материалов по отечественным и зарубежным практикам, разработка концепции статьи, подготовка первоначального варианта статьи, обработка и анализ данных исследования, формулировка выводов, подготовка окончательной редакции текста.

Фадеева Е.В. – методологические основания статьи, разработка концепции статьи, научное руководство, критический анализ, доработка начального варианта статьи, подготовка окончательной редакции текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Shubin S.B. Psychological features of adolescent digital activity on the example of social networks: The review of foreign studies. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*. 2020;3:173–191. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2020-3-173-19>.
2. Sirota N.A., Moskovchenko D.V., Yaltonsky V.M., Yaltonskaya A.V. Development of the Russian Version of the Questionnaire for the Problematic Use of Social Networks. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2018;26(3):33–55. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260303>.
3. van den Eijnden R.J.J.M., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*. 2016;61:478–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.03.038>.
4. Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. Internet activity and problematic Internet use in adolescence. *Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal = National Psychological Journal*. 2019;12(1):34–46. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0104>
5. Rozanov V.A., Rakhimkulova A.S. Psychological well-being of users of social networks – a problem or the possibility of early detection of negative trends? *Meditinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*. 2016;1(36). URL: <http://mprj.ru> (accessed 01.08.2022). (in Russ.).
6. Wartberg L., Thomasius R., Paschke K. The relevance of emotion regulation, procrastination, and perceived stress for problematic social media use in a representative sample of children and adolescents. *Computers in Human Behavior*. 2021;121:106788. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.106788>.
7. Huang C. A meta-analysis of the problematic social media use and mental health. *The International journal of social psychiatry*. 2022;68(1):12–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020764020978434>.
8. Lin C.-Y., Namdar P., Griffiths M.D., Pakpour A.H. Mediated roles of generalized trust and perceived social support in the effects of problematic social media use on mental health: A cross-sectional study. *Health Expectations*. 2021;24:165–173. DOI: <https://doi.org/10.1111/hex.13169>.
9. Cataldo I., Lepri B., Neoh M.J.Y., Esposito G. Social Media Usage and Development of Psychiatric Disorders in Childhood and Adolescence: A Review. *Frontiers in Psychiatry*. 2021;11:508595. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.508595>.
10. Gorelova G.G., Inozemtsev D.V. Analysis of psychological well-being based on the parameters of behavioral activity of users of social networks. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2020;2(180):489–494. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.2.p489-494>.
11. Meshi D., Ellithorpe M.E. Problematic social media use and social support received in real-life versus on social media: Associations with depression, anxiety and social isolation. *Addictive Behaviors*. 2021;119:106949. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.106949>.
12. Sheinov V.P., Devitsyn A.S. The development of a reliable and valid social media dependence Questionnaire. *Sistemnaya psikhologiya i sociologiya. = Systems Psychology and Sociology*. 2021;2(38):41–55. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.0>.
13. Sheynov V.P., Devitsyn A.S. Three-factor model of social media addiction. *Rossiyskiy psikhologicheskiiy zhurnal = Russian Psychological Journal*. 2021;3:145–158. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.1>.

14. Trusova A.V., Kanashov A.E., Angelovskii A.A. et al. Gender differences in individual psychological characteristics in adolescents with different levels of manifestations of Internet-dependent behavior. *Voprosy narkologii = Addiction Issues*. 2020;4(187):45–62. (in Russ.). DOI: https://doi.org/10.47877/0234-0623_2020_4_45
15. Kazarinova E.Yu., Kholmogorova A.B. Preferred Internet Content and Social Anxiety as Drivers of Internet Addiction in Teens and Students. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*. 2021;13(2):123–139. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130208>.
16. Ponizovskiy P.A., Skurat E.P., Trusova A.V., Shmukler A.B., Kibitov A.O. Gender differences in psychological characteristics of people with internet addiction. *Social'naya i klinicheskaya psichiatriya = Social and clinical psychiatry*. 2021;2(31):33–43. (in Russ.).
17. Paakkari L., Tynjälä J., Lahti H. et al. Problematic social media use and health among adolescents. *International journal of environmental research and public health*. 2021;18(4):1885. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18041885>.
18. Buda G., Lukoševičiūtė J., Šalčiūnaitė L., Šmigelskas K. Possible Effects of Social Media Use on Adolescent Health Behaviors and Perceptions. *Psychological reports*. 2021;124(3):1031–1048. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294120922481>.
19. Dalvi-Esfahani M., Niknafs A., Alaedini Z. et al. Social Media Addiction and Empathy: Moderating impact of personality traits among high school students. *Telematics and Informatics*. 2021;57:101516. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101516>.
20. Marino C., Vieno A., Altoè G., Spada M.M. Factorial validity of the Problematic Facebook Use Scale for adolescents and young adults. *Journal of Behavioral Addictions*. 2017;6(1):5–10. DOI: <https://doi.org/10.1556/2006.6.2017.004>.
21. Lanovaya A.M., Fadeeva E.V. Problematic use of social media in adolescents with Internet addictive behavior: preliminary results. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya = Psychology. Psychophysiology*. 2022;15(4):59–71. (in Russ.). DOI: 10.14529/jpps220406.
22. Rumpf H.J., Vermulst A.A., Bischof A. et al. Occurrence of Internet addiction in a general population sample: A Latent Class Analysis. *European Addiction Research*. 2014;20:159–166. DOI: <https://doi.org/10.1159/00035432>.

Submitted 22.10.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 23.01.2023.

About the authors:

Alesya M. Lanovaya, Researcher of the Department of Organization of Preventive Care in Narcology, National Research Center on Addictions – branch, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology (3, Maly Mogiltsevsky lane, Moscow, 119002, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4255-7953>; e-mail: alesya.lan@gmail.com

Eugenia V. Fadeeva, Candidate of Psychological Sciences, Head of the Department of organization of preventive care in Narcology, National Research Center on Addictions – branch, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology (3, Maly Mogiltsevsky lane, Moscow, 119002, Russia); Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (29, Sretenka Str., Moscow, 127051, Russia); Junior Researcher, Department of Therapy of Inpatients with Addictive Disorders, V.M. Bekhterev National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology (3, Bekhtereva Str., St. Petersburg, 192019, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5411-9611>; e-mail: nscnfadeeva@mail.ru

Contribution of the authors.

A.M. Lanovaya – gathering of information related to local and international practices, development of the research concept, writing the draft, preparation and implementation of empirical research, formulation of conclusions, preparation of the final version of the text.

E.V. Fadeeva – scientific management, methodological basis of research, formulation of the main concept of the study, critical analysis, preparation of the final version of the text.

All authors have read and approved the final manuscript.